

ТИПОЛОГИЯ, СПЕЦИФИКА И БЛИЖАЙШЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБСКОЙ НОВЕЛЛЫ

МУХТАРОВ ТИМУР

филология фанлари доктори, профессор, ТДШУ

Аннотация. В статье рассматривается литературный процесс арабского средневековья в период его наивысшего расцвета (VIII–XII вв.).

Опорные слова и выражения: культура, жанр, символ, мышление, сравнительный анализ.

Аннотация. Маколада урта аср (VIII–XII асрлар) араб адабий жараёнинг энг ривожланган даври куриб чикилган.

Таянч сўз ва иборалар: рамз, мъано, тафаккур, маданият, жанр, киёсий тахлил.

Abstract. This article examines the literary process of Arabic Middle Ages (VIII–XII) – Golden age of Arabic literature.

Keywords and expressions: symbol, meaning, thinking, culture, genre, comparative analysis.

С середины VIII в. наступает эпоха письменной литературы, меняется удельный вес жанров, и если в древнеарабской литературе определяющим жанром был поэтический, то в «классический» период все большее место занимает проза. Этому способствуют складывающиеся под воздействием эллинистического рационализма принципы арабской эстетики, входящие в общую систему мировоззрения арабо-мусульманского средневековья. В арабской культуре вообще, и в литературе в частности, появляются совершенно новые явления. Прежде всего, на смену стихийности, неосознанности приходит стремление к универсальному осмыслению явлений и понятий, выражающееся в появлении бесчисленного множества трудов по всем отраслям знания. Предпринимаются попытки определить всеобщие законы, по которым развивается все мироздание, и на их основании установить законы развития человечества, его истории.

В это время арабы знакомятся с памятниками, получившими впоследствии мировую известность: «Калила и Димна» – книга, восходящая к «Панчатантре» («Пятикнижию») – сборнику сказок и басен, включенных в обрамляющий рассказ; «Повесть о Билаухаре и Будасфе» («Повесть о Варлааме и Иоасафе»), основанная на одной из версий биографии Будды; «Повесть о семи везирах» – индо-персидская «Синдбад-наме» («Синдбадова книга о женском коварстве») и ряд других. К ним примыкает переведенная тогда же древнейшая повесть ассиро-вавилонского происхождения «Мудрость Хикара» («Повесть об Акире Премудром»). В арабскую литературу того времени они вошли органично и сыграли свою роль в формировании литературного вкуса и художественных приемов.

Восприятие этих произведений в арабской среде облегчалось тем, что многие входящие в них рассказы имели явно фольклорное происхождение: составители только подчеркивали поучительность их смысла или попросту присочиняли «мораль», превращая легенду или незамысловатый анекдот в назидательную историю, подчиненную общему замыслу книги.

Аналогичным образом действовали и собиратели арабских устных рассказов и народной мудрости, составляя из этого материала большие своды, имеющие обычно тематические разделы и рубрики. Из подобных книг читатель мог почерпнуть полезные сведения и поучения на все случаи жизни. Такого рода антологии появляются в IX веке и становятся самым распространенным видом чтения на протяжении всего арабского Средневековья. К ним и применяется впервые термин «адаб», который впоследствии был распространен на литературу вообще.

Проза в арабской литературе появилась позже поэзии: при этом появлению собственно художественной прозы в привычном для нас понимании предшествовала эпоха расцвета прозы этико-политической, религиозной, философской, исторической и географической. Арабская беллетристика возникла – уже сравнительно поздно из исторических жизнеописаний, из философских диалогов, речей, посланий, из описаний всякого рода чудес и диковин, из бытового и исторического анекдота, из народных сказок, легенд и преданий. Следы этих разнородных составляющих сохранились в ней надолго, определяя и круг тем, и способы художественной обработки материала. Так например, весьма стойким и живучим оказалось пристрастие к коллекционированию всевозможных курьезов и небылиц, с собирания которых, собственно, и началась арабская беллетристика.

Влияние историографической прозы, прежде всего, старейших хадисов, бывших историческими и нормативными, нетрудно обнаружить по неперенным элементам любого сюжета, даже самого фантастического. Например, идущий от исторических событий обязательный указатель в начале рассказа на точное место происхождения и имя героя. Впоследствии этот прием широко распространяется и превращается в один из обязательных формальных штампов.

От исторической, а также и от философской прозы восприняла арабская беллетристика и вкус к историческому анекдоту. Короткие рассказы о выдающихся деяниях и достойных запоминания высказываниях, а также о странностях личностей любовно собирались многими авторами антологий.

Наконец, значительное влияние оказало на раннюю повествовательную прозу народное творчество. Многие из рассказов, которыми пестрит любая антология, не говоря о пословицах и поговорках, притчах, баснях, несомненно, фольклорного происхождения. Таким образом, толстые тома, объединенные скучным названием «назидательная литература» или «литература адаба», или строго научным – антология, по существу представляют собой собрания самых различных жанров. Проза антологий разнообразна по содержанию и весьма неравноценна в художественном отношении.

Первым писателем, попытавшимся не только придать литературную форму этим столь разным материалам, но также и извлечь из него концепцию культуры и литературы, был, несомненно, аль-Джахиз (775-868), автор одной из первых арабских антологий адаба. Он так определил задачи литературного адаба – брать отовсюду понемногу, чтобы просвещать, не утомляя, и наставлять, развлекаая.

Традицию антологий, включение в них занимательных рассказов аль-Джахиз начал еще в «Байан» и «Хайаван», когда он внезапно прерывает главу для того, чтобы развлечь читателя и рассказать ему забавную историю, часто вне всякой связи с контекстом. В противовес скучным рассуждениям научных трудов аль-Джахиз создает новый тип, новый жанр (пусть пока насыщенный дидактикой) – жанр занимательного рассказа, который затем заменит собой серьезный адаб, ограниченный по своей тематике и тщательно отобранный.

У аль-Джахида оказалось много последователей. Одна из первых известных универсальных антологий – «Избранные сочинения» Ибн Кутейбы (828-889). Она состоит из десяти разделов: об управлении, о войне, о людях знатных, о науке, о различных чертах характера, о красноречии, об аскетизме, о друзьях, о просьбах, о кушаньях, о женщинах, т.е. в нее включены уже все основные темы адаба.

Линию «универсальных» антологий продолжает андалусский поэт Ибн Абд Раббихи (858-940) своей «Книгой Ожерелья». Пользовались большой популярностью антология «Радость после трудности» ат-Таннухи (940-994), «Книга о хитроумных» багдадца Ибн аль-Джаузи (1116-1200), «Восходы лун на стоянках веселья» аль-Гузули (ум. в 1412). Антологии последних трех авторов были составлены целиком из «занимательных рассказов». Несколько иной была по составу антология

египтянина ас-Суйути (1445-1505), в которой читателю предлагались не морализаторские наставления, а только рассказы, сгруппированные по темам, один другого интереснее и неожиданнее.

По мнению Ш. Пелла¹, «серьезные арабисты лишь изредка говорят об адабе «облегченного типа», однако, влияние такого рода повествовательной прозы было глубоким и многосторонним, несмотря на то, что отношение к важнейшим ее элементам - занимательности, неожиданности – претерпело со временем существенные изменения, превратившись в своего рода освященную вековой традицией литературную игру. В этом смысле занимательный рассказ - промежуточное звено между историографической прозой и беллетристическим повествованием. Он стоит у истоков создания беллетристического художественного повествования и сам по себе является своеобразным жанровым образованием.

Единого мнения среди ученых о круге памятников, причисляемых к этому жанру нет. Их сомнения не случайны, ибо рождены они самим характером рассматриваемых произведений, отдельные из которых легко спутать с дидактической «притчей» – хабаром, или с бытоописательным «примером».

Занимательный рассказ как бы находится на перепутье: в нем можно обнаружить следы и куртуазных воззрений, вкусов, литературных норм, и определенные религиозно-нравоучительные мотивы, свойственные клерикальной литературе, и деловой рационализм горожан, и скрытое бунтарство народных масс.

На фоне все более растущего интереса к культуре средневековья, особенно народной, изучение жанра занимательного рассказа приобретает особое значение. Ведь как раз в произведениях этого жанра мы встречаемся с различнейшими персонажами, представляющими очень разные слои средневекового общества; причем в отличие от куртуазной повести (с ее нарочитой изысканностью, отрывом от реальности, «красивостью») занимательный рассказ был ориентирован на изображение повседневной жизни достаточно рядового человека эпохи.

Мы находим у занимательного рассказа тесные связи с фольклором. Они были и у других популярных жанров средневековой литературы, но здесь они носили иной характер. С занимательным рассказом в арабскую литературу вошел необычайно широкий мир «маленьких людей», многообразный мир средневековой повседневности.

Малую эпическую форму, возникшую в арабской литературе в раннем средневековье, в специальной литературе называют то «новеллой», то «занимательным рассказом», и термины эти употребляются как синонимы. Однако, термин «новелла» предпочтительнее, так как «новелла» – термин средневековый, созданный для обозначения малой формы, имевшей свою специфику. Специфика эта заключалась в принципе отбора явлений для изображения, в принципе их трактовки, а также в известном своеобразии художественных приемов. Кроме того, термин «новелла» – в отличие от термина «рассказ» – является оценочным, что и находит отражение в его этимологии. «По точному смыслу термин «новелла» есть «новость», она передает новое, как оно проявилось в поведении, в мыслях человека, в его связях с другими, с традиционным миром, причем эффект новизны, пережитый во всей ее внезапности, и составляет в новелле прямую цель ее рассказывания»²; «... для Гете новелла должна содержать нечто небывалое, новое, должна быть как бы за гранью обыденного»³.

Средневековая новелла – это всегда и, прежде всего, новость, рассказ о чем-то необыкновенном, удивительном, читателя интересует не просто новость и не всякая новость, а именно «удивительная», как отклонение от нормы. Об устойчивости интереса к удивительной вести может свидетельствовать,

¹ Пелла Ш. Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература. – М.: Наука, 1975 - С. 65.

² Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М. - Л., 1962. - С. 257.

³ Шкловский В. Художественная проза. - М., 1959. С. 399.

в частности, и вся история арабской средневековой малой формы, причем нередко это отражено в названиях сборников и отдельных произведений, например, в каталоге сирийского хранилища рукописей «аз-Захария». отмечены сотни рукописей, в описании которых говорится – сборник удивительных рассказов, или собрание известий из жизни джинов, о странах далеких и явлениях удивительных и т.д... В арабских странах только Шауки Даиф издал отрывки из разных памятников, не ставя цели их исследования.

Таким образом, так называемый жанр «аджаиб» («мирабилии») начал формироваться в арабской литературе еще в VIII веке. Основу этого жанра составляют рассказы, мифы, легенды и предания об удивительном, показ роли и места человека в иерархии миров, рассмотрение всего мира как определенной системы, тайны, требующей расшифровки. Термин «аджаиб» впервые употребил И.Ю. Крачковский. Термин «аджаиб», на наш взгляд, не только не охватывает все многообразие средневековой малой эпической формы, но, напротив, сужает круг произведений, относимых нами к средневековой арабской новеллистике. Употребляя термин «аджаиб», И.Ю. Крачковский просто пытался показать отличие этого вида прозы от других средневековых новеллистических жанров, с его набором персонажей, особыми способами развертывания сюжета и, конечно, размерами произведения. Термин «аджаиб» скорее должен быть отнесен к одной из разновидностей новеллы – волшебной новелле, а не употребляться в качестве жанроопределяющего начала.

Что касается термина «рассказ» («киссатун») для обозначения средневековых произведений малой формы, то он является слишком обобщенным, недостаточно дифференцированным. В этом случае в арабской средневековой литературе к малой форме должны быть отнесены (и, значит, определяться термином «рассказ») и легенды, и предания, и сказки, и анекдоты, и новеллы, и эссе, и басни. Слово «рассказ» может быть употреблено не как термин, а лишь как общее, нейтральное обозначение для произведений новеллистического типа (особенно в случаях, трудно поддающихся жанровому определению).

Значительные трудности возникают при попытке соотнесения арабской жанровой терминологии с западной. Такие западные термины, как «новелла», «повесть», «роман» в настоящее время могут свободно применяться для обозначения соответствующих жанров восточных средневековых литератур. Однако, естественно, что, скажем, средневековый арабский литературовед терминов этих не знал и не употреблял. Например, жанровый термин «сира», если рассматривать произведения им обозначавшиеся с современной точки зрения деления на жанры, был многозначен: он встречается при обозначении биографий, повестей, в историографических сочинениях, т.е. он определял произведения, значительно отличавшиеся по своим художественным признакам¹. Конечно, вряд ли средневековый арабский читатель не видел разницы между тем, что мы называем новеллой, и тем, что мы называем эссе.

Не подменяя средневековой жанровой системы современной, мы, тем не менее, должны установить, что именно обозначалась тем или иным термином с точки зрения наших представлений о литературном жанре. Иначе может оказаться, что у арабов не было «повести», а был жанр «киссатун», не было романа, а был жанр «ривайятун», не было новеллы, а был жанр «аджаиб», «навадир», «хикаятун», «макматун», «киссатун», «хабарун» и т.д. (произведения, которые имели единую жанровую природу). Поэтому удобнее рассматривать малую эпическую форму, характерную для литературы арабского средневековья, как жанр новеллы, исходя из общепринятой в современном

¹ См.: Ибрагимов Н.И. Арабский народный роман. – М, 1984;
Шидфар В.Я. Генезис и вопросы стиля арабского народного романа // Генезис романа в литературах Азии и Африки. – М.: Наука, 1980.

литературоведении теории, отвлекаясь от Средневековых жанровых показателей, обычно присоединявшихся к названиям произведений.

В научных исследованиях все больше внимания уделяется типологически сходным явлениям в различных литературах, особенно в связи с увеличением числа работ по литературам стран Востока. Для изучения мирового литературного процесса и для более глубокого понимания процессов развития каждой конкретной национальной литературы этот аспект чрезвычайно важен.

Типологическое сходство арабской новеллы прослеживается не только с новеллой Ирана, Индии, Китая, но и со средневековой новеллой других регионов мира, в частности, с европейской. Конечно, говоря об идейной близости арабской и европейской новеллы, мы не имеем ввиду наличие в них «ренессанских» идей в их крайнем выражении. Однако о некотором сдвиге в этом направлении, об известной эмансипации человеческой личности в литературе говорить, нам кажется, мы вправе. Наверное, нельзя говорить, что все литературы мира пережили свое Возрождение, но, очевидно, можно утверждать, что всякая литература мира знает процесс эмансипации человека, проходящий более или менее постепенно, в виде эволюции.

Сознание средневекового мусульманина, усвоившего идею «покорности» человека, одновременно усвоило и то, что человек – вместилище времени и пространства, обладающее уважением и творческим актом, потенциальной возможностью склониться к добру или злу, к совершенствованию или прозябанию и нравственному падению. Бесконфликтный бог, каким его видел Мухаммад и первые создатели ислама, создавал и бесконфликтную литературу. Но он все больше и больше понимался бесконечно далеким и безразличным к своему творению – человеку, в то время как его земные наместники были полны конфликтов, противоречий и страстей, не рекомендованных открывателями ислама. Разрыв между учением и действительностью создавал тот внутренний конфликт, который чутко улавливала и отражала литература.

Типологическое сходство идейно-тематической основы средневековой новеллы различных национальных литератур, очевидно, можно объяснить все тем же стремлением к эмансипации человеческой личности, к утверждению ее индивидуальных возможностей, ее самостоятельности, освобождению ее от зависимости от сверхъестественных сил. Так, сказанное о шванке, в полной мере может быть отнесено и к арабской новелле X-XII вв.: «Находчивый ум, острая сообразительность побеждают грубую силу. Плут, ловкий пройдоха и одураченный ими простаки становятся излюбленными героями шванка. В шванке действие движется не волей богов, не чудесами волшебников, не сверхъестественными способностями героев, а столкновением реальных интересов»¹.

Арабская средневековая новелла типологически сходна с новеллой других стран не только в идейном отношении, но и в художественном, по способу изображения, по жанру. При этом сходство обнаруживается не только в применении классического новеллистического способа изображения (человек изображается на примере одного события, переданного лишь в главных моментах, причем это событие как бы вписывается в его жизнь), но и в отклонении в ту или иную сторону от этого способа, что обычно приводит к образованию анекдота или повести.

Среди арабских произведений новеллистического типа можно найти и анекдот, как изолированный эпизод, и новеллу, как более или менее разработанное событие, вписанное в контекст жизни персонажа, и даже формы, близкие к жанру повести.

Иными словами, средневековые авторы не проводили резкой грани между новеллой и анекдотом, между новеллой и повестью. Та или иная форма получалась у них в зависимости от идейно-

¹ Левинтон А.Г. Ганс Сакс. Избранное. - М. - Л., 1959. - С. 17.

художественной задачи и, вероятно в зависимости от степени разработки устного или ранне-письменного сюжета, который они брали.

Итак, резюмируя характер типологической общности средневековой арабской новеллы с новеллами других литератур, можно сказать, что она имеет, прежде всего, светский характер: для нее характерны интерес к человеку в его земных, мирских проявлениях; перемещение центра тяжести с назидательности на повествовательность и, соответственно, с типического на индивидуальное и неповторимое; отказ от присущей религиозной дидактической литературе категоричности и однозначности суждений; обмирщение образа земной реальности, в которой центральное место приобретает уже не божественное провидение, но человеческая воля, потому и оттеснение высшей необходимости свободой, амплификация повествования, открывающая доступ в сферу художественного анализа всего многообразия жизненных отношений, переход к художественному реализму.

Возникновение арабской средневековой новеллы, как самостоятельного литературного жанра, можно отнести к IX-X вв., однако сюжетная проза начала складываться раньше, до IX века. Это было время проникновения в литературу устного рассказа, превращения его в литературную новеллу.

Сюжетной прозе до IX века уже были присущи некоторые особенности, которые позднее стали характерными для новеллы Литература от сухих хроник историографического характера шагнула к литературе занимательности, литературе раз» развлекательной.

Судя по дошедшим до наших дней литературным памятникам прозы, в этот период создавались, главным образом, историографические произведения. Историография и агиография (в том числе и хадисы, как составная их часть), по сути дела, выполняли одну задачу: рассказывали о людях и делах прошлого, показывали, каким должен быть человек - государь и подданный, с точки зрения ислама. Проза была по преимуществу поучительной, назидательной (так же, как и появившимся позже литература "адаба").

Литература этой эпохи, как правило, изображала либо психические события и лиц, либо явления и людей, считавшихся историческими («Книги завоеваний», хадисы, биографии сподвижников, табакат).

Исторические сочинения отражали имевшуюся тенденцию того времени осмыслить место и назначение человека в системе халифата. Их авторы стремились выделить основные качества человека как члена государства, показать идеал человека, изобразив его отношения с другими представителями Государства, совершенными и достойными подражания, Социальная жизнь в этих произведениях рассматривается, в первую очередь, в ее отношении к богу и душевспасительным целям, а Главное действующее лицо – либо святой, либо благородный борец за веру. Эти две фигуры олицетворяли господствовавшие общественные идеалы. Таковы были идейные задачи историографической и житийной литературы, таковы были принципы изображения человека.

С одной стороны – халиф и подданный, отец и сын, муж и жена, с другой – плохой наместник (деспот) и недостойный подданный. Человек рассматривался только как член мусульманской общины (уммы), обязанный вести себя соответственно своему положению и правилам, предписанным благоверному мусульманину. Образы были строго нормативными, этикетными. Частная жизнь человека, его мысли и чувства этой литературы не представляли интереса.

Однако уже и в самих ранних, дошедших до нас историографических сочинениях, авторы которых использовали материалы устного народного творчества – предания и легенды о выдающихся исторических лицах и крупных исторических событиях, встречается художественная характеристика человека, его изображение. Автор – историограф – пользовался фольклорным материалом либо потому, что отсутствовали более достоверные источники, либо затем, чтобы при помощи изображения произвести на читателя более сильное впечатление. Так, в «Сире Пророка» Ибн Исхака (Ибн Хишам)

(VIII в.) встречаются рассказы о «мелких чудесах», когда Мухаммад, физически слабый от рождения человек, победил в борьбе известного силача. Рассказ напоминает древние народные легенды и носит явно фольклорный характер.

Конечно, официальный историограф вносил коррективы в фольклорную характеристику той или иной исторической личности, но элементы такой характеристики сохранялись. Таким образом, «служебная», официальная – историографическая – характеристика, даваемая историографом и даже подтвержденная цепочкой передатчиков (иснадом), нередко накладывалась на фольклорную характеристику исторической личности, рассказ историографа о событии накладывался на фольклорное изображение этого события, на сюжет. Так или иначе, человек и событие изображались в историографической литературе, и мы вправе говорить о ней как о первоначальной художественной прозе.

В историографию, особенно в раздел «Кутуб аль-Магази» («Книга завоевания») или табакат (биографии) попадали легендарные персонажи, и нередко легендарные, вымышленные события, которые воспринимались как историческая реальность. Сюжет обычно не сложен – это эпизод из жизни мучеников шухада), которые и характеризуется поведением в этих эпизодах (например, при поражении в битве при У худе). При этом, как правило, выявляются определенные черты характера: либо преданность Мухаммаду, либо готовность умереть за истинную веру. Речь еще не идет о внутреннем мире, не учитываются мысли и чувства персонажа. Автора (и читателя) не интересуют ни внешность, ни окружающая обстановка.

Большим событием в истории развития арабской средневековой прозы на этом этапе было возникновение литературы адаба. Именно в IX X вв. возникает потребность в сюжетной прозе, впервые было сказано (аль-Джахизом) слово о «развлекательной» прозе. Конечно, речь тогда еще не шла о сочинении развлекательных произведений. Авторы антологий адаба включали в свои сборники лишь некоторые «занимательные» рассказы, дабы не утомлять читателя, которые обычно брали «из фольклора. Однако эти рассказы уже не были иллюстрацией какой-либо добродетели или каким-либо морализаторским наставлением в духе Ибн аль-Мукаффы в его «Большом» и «Малом» Адабе», а были просто интересными рассказами, которыми автор хотел развлечь читателя.

И многотомные антологии авторы стали включать рассказы явно вымышленные, псевдоисторические, к реальной жизни отношения не имеющие. Главное достижение этого периода и арабской литературе, мы считаем, ввод в литературу художественного вымысла. Пусть это был пока не индивидуально авторский вымысел, а взятый из фольклора, тем не менее это был вымысел. Появление в адабной литературе «развлекательного» рассказа – очень важный момент в истории и литературы. Был нарушен незыблемый принцип иснада: в книге можно писать только о том, что было в действительности.

Это был переворот в арабской литературе. Впервые в истории развития сюжетной прозы авторами сознательно и целенаправленно материал подавался как произведение искусства. Не важно, что материал был фольклорный – речь шла о том, как развлечь читателя, отвлечь его от ученых занятий. Прецедент произошел. В дальнейшем, благодаря творческой обработке фольклора, был создан новый для арабской литературы жанр – новелла.

